

ՀԻՆ ԵՎ ՄԻՋԻՆ ՇՐՋԱՆ

*МИХЭИЛ КУРДИАНИ
(Грузия)*

СЛЕД ЗАРАТУШТРЫ В НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ ОСЕТИН

В августе 1882 г. академик Всеволод Федорович Миллер опубликовал статью "Черты старины в сказаниях и быте осетин"¹, которая оказалась этапной не только для нартоведения, но и для иранистики:

"Мудрой и плодотворной была мысль, вдохновившая Вс. Миллера в 1882 г. на его памятную записку... менее чем двадцатью страницами он для Юго-Востока Европы положил блестящее начало новому порядку исследований, сравнимому с тем, который в ту же эпоху ученые применили для Северо-Запада, для кельтского мира"².

В вышеуказанной статье В. Ф. Миллер "стал искать общие черты между многочисленными и оригинальными эпическими сказаниями осетин и теми сведениями, которые, например, Геродот или Аммиан Марцеллин передали нам о скифах, сарматах и др."³

Вдохновленный методом Миллера Жорж Дюмезиль в 1930 г. продолжил подобные сопоставления и значительно увеличил их число⁴.

Из всех имеющихся сопоставлений, как Миллера, так и Дюмезиля, самым убедительным и, соответственно, самым ценным надо признать установленную Миллером параллель между эпизо-

¹ Журнал Министерства народного просвещения", СПб., ч. ССХХІІ, отд. ІІ: 191-207.

² Дюмезиль Ж., Осетинский эпос и мифология, Москва: "Наука", 1976, с. 132.

³ Там же.

⁴ Результаты его многолетних усилий см. на русском языке в монографии "Осетинский эпос и мифология", Москва: "Наука", 1976.

дом нартского эпоса из цикла Созрыко, в котором Созрыко, победив богатыря Элтагана и срезав у него скальп, собирает всех девок и молодух нартского аула и говорит им: "Скроите мне шубу из головных волос и усов"⁵ и сообщением Геродота об одном обычае скифов:

"былина сохранила воспоминание об обычае скальпирования и утилизации скальпов для шуб, некогда существовавшем на Северном Кавказе. Действительно, такой обычай исторически засвидетельствован Геродотом у скифов. Вот что рассказывает греческий историк (кн. IV, дл. 64): "Какое бы число (неприятелей) скиф ни убил, он отрезает у всех головы и приносит к царю; только таким образом получает он долю в добыче и лишается ее, если не принесет головы. Чтобы освободить череп от волос, он делает круговой надрез на голове повыше ушей, и, держа скальп, вытрясает голову; затем он отскребляет бычьим ребром мясо на скальпе, и, размягчив кожу перетиранием в руках, употребляет скальп как утиральник. Скиф гордится скальпами и вешает их на уздечке коня: чем больше таких утиральников может он показать, тем выше почитается он в народе. Многие делают себе шубы, вроде тулупов наших крестьян, сшивая вместе множество скальпов"⁶.

Естественно, надо полагать, что вышеприведенный эпизод, отражающий древний скифский обычай, попал в нартовский эпос благодаря исторической памяти народа, о долговечности которой, судя по всему, мы имеем весьма и весьма отдаленное и скудное представление, а не через письменные источники, в первую очередь, из "Истории" Геродота, доступной как в оригинале, так и в переводе (resp. в переводах) гимназистам и студентам, а среди них были и осетины, времен предшествующих или совпадающих с записью этого эпизода нартского эпоса.

Что же касается той "черты старины в сказаниях и быте осетин", о которой ниже пойдет речь, она, во-первых, намного

⁵ Миллер В., В горах Осетии, Владикавказ: "Алания", 1998, с. 427.

⁶ Там же, с. 428.

древнее обычая, засвидетельствованного Геродотом, и, во-вторых, не зафиксирована в известных на сей день письменных источниках. Следовательно, однозначно исключается ее проникновение в нартовский эпос каким-либо другим путем как не исторической памятью народа.

Речь идет об эпизоде нартовского эпоса, известного под заглавием "Батрадз и чаша нартв Уацамонга".

Экспозиция этого эпизода такова:

"Много сокровищ было у нартв, но среди них больше всего дорожили они чашей своей Уацамонга. Драгоценное свойство имела эта чаша: если кто-либо из пирующих говорил правду о своих подвигах и о доблести своей, она сама подымалась прямо к губам этого человека. Если же кто-либо хвастался понапрасну, не трогалась она с места"⁷.

Этот эпизод не прошел мимо внимания академика Миллера:

"Несколько далее Геродот сообщает другой скифский обычай (гл. 66). Однажды в год правитель каждой области, на назначенном месте, собирает народ и замешивает чашу вина, из которой имеют право пить только те скифы, которые убивали неприятелей; те, которые никого не убили, не допускаются пить из чаши и сидят в отдалении. Нет для скифа большего позора, чем этот... Любопытно, что о такой богатырской чаше сохранилось предание в осетинском эпосе. Эта чаша получила чудесные свойства и даже носит собственное имя нарт-амонгж (указательница нартв) или уацамонгж"⁸.

После этих слов В. Ф. Миллер пересказывает эпизод с Уацамонгой из нартвского эпоса:

"Обычный мотив в эпосе тот, что богатыри пируют и рассказывают свои похождения: кто оказывается достойным богатырской чаши, к устам того она чудесным образом поднимается

⁷ Сказания о нартах (Пер. с осет. Ю. Либединского), Владикавказ: Республиканское издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2000, с. 397.

⁸ Миллер В., указ. соч., с. 428.

сама. Так, одна из былин нашего сборника вводит нас как бы в обстановку скифского сборища. Нарты пируют и спорят о своей доблести. Чудесная чаша не поднялась ни к кому, кроме нарта Сослана. Тогда нарты говорят старику Хамицу, отцу мальчика Батраза, которого подвигов еще никто не знал:

"Нука, старик, Расскажи, что ты видал; может быть, чаша пойдет к тебе!"

Хамиц молчит о своих делах и ищет глазами маленького Батраза. Мальчик подошел и сел перед отцом.

- Вот я! Отец, - сказал он, - я сейчас расскажу, что я сработал: я убил пять дауагов (высших духов) и шесть уациллов. Я убил отца хлебного духа Бор-хуар-али, и во свидетельство этого пусть уациамонгж поднимется к усам моего отца и пусть старик пьет".

В одну минуту чаша поднялась сама ко рту Хамица"⁹.

В сводном тексте осетинского нартовского эпоса этот эпизод представлен в близком, но не идентичном варианте:

"Раз как-то пировали нарты, и до краев наполненная брагой чаша Уацамонга стояла перед ними. И стали друг перед другом выхваляться нарты, рассказывая о своих доблестях и подвигах. Но сколько они ни говорили, чаша Уацамонга не трогалась с места.

Один только Батрадз сидел молча на этом пиру и слушал спокойно рассказы нартов. Когда все замолчали, Батрадз легко встал с места, рукоягью плети постучал по краю чаши и сказал:

- Охотился я вчера вечером, подымался по горному склону и семь вечерних дауагов убил. Правду сказал я, и так же в правде подымись, чаша Уацамонга, и стань на колени отцу моему Хамицу.

Плавню поднялась с земли чаша и опустилась на колени Хамица"¹⁰.

Батрадз, рассказав о своем следующем подвиге (спускаясь по другому склону горы, он убил семь дауагов рассвета), дает на-

⁹ Там же, с. 429.

¹⁰ Сказания о нартах, с. 398.

каз чаше подняться до пояса Хамыца, а рассказав о своем третьем подвиге (вновь поднявшись на склон горы, убил семерых елиадауагов грома и семерых мыкалгабыров-дауагов созревшего хлеба, среди которых был и сын самого владыки хлебов Хор-алдара Бур-хор-али), обращается к чаше: "И так же, как сказал я правду, так в правде подымись чаша, к губам отца моего Хамица". И поднялась Уацамонга к убам Хамыца...

Именно тогда и происходит нечто страшное, из ряда вон выходящее:

"А когда захотел Хамыц хлебнуть из чаши, оказались в браге ящерицы, змеи, лягушки и прочие гады (sic. М. К.). Клубясь, всплывали они в чаше и устремлялись в рот Хамыцу. Но тверды, как булат, были усы Хамица, он бил и колол гадов своими булатными усами, и вновь спрятались они на дне чаши. И тогда булатноусый Хамыц опрокинул вверх дном чашу Уацамонга"¹¹.

На первый взгляд здесь явная несуразность: пить брагу из Уацамонга — это великая честь для любого нарта. Хамыц удостоился этой чести (из-за "подвигов" сына) и, соответственно, всем этим гадам: ящерицам, змеям, лягушкам и прочим в столь почетной чаше места вроде не должно было найтись.

Но, как ни странно, именно эта несуразность и оказалась самым надежным доказательством исторической достоверности данного эпизода нартовского эпоса, и именно она проложила мост между древнейшим, письменно не зафиксированным обычаем арийцев и народным эпосом осетин.

В восьмидесятых годах XX века археологи из Института археологии АН СССР обнаружили на крайнем востоке Туркмении следы некогда процветающей арийской страны, которая в древнеперсидских клинописных текстах упоминается как Маргуш, а в древнегреческих текстах как Маргиана.

При раскопках на территории Маргианы археологи нашли развалины некогда величественного и монументального храма,

¹¹ Там же, с. 399.

который напоминал крепость и состоял из трех взаимосвязанных частей, в научной литературе ему присвоили имя — Тоголок-21.

Храм оказался зороастрийским, и при нем "... были найдены практически все атрибуты, необходимые для приготовления сомы-хаомы (ритуального напитка зороастрийцев — М. К.): огромные конической формы чаны, в которых, видимо, размачивались ветки эфедры, каменные терки, пестики и ступки в количестве, явно превышающем потребности обычных поселений. Особенно много было средних размеров сосудов конической формы с круглым отверстием в центре дна. Прикрытые кусочком ткани или клочком овечьей шерсти, они отлично выполняли роль цедилок. Наконец, были обнаружены сосуды, в которых бродил напиток. До самого последнего времени не были известны культовые сосуды, куда он разливался после изготовления, но и они были найдены при раскопках — это средних размеров сосуд и в нем — пять миниатюрных, так что вместе они составляли целый набор для питья"¹².

Именно открытие ритуальных сосудов для питья хаомы, сделанное в храме Тоголок-21, пролило свет на необъяснимый доселе эпизод нартовского эпоса с Уацамонгой и гадами.

Археолог В. И. Сарияниди, один из первых исследователей древнего зороастрийского храма Тоголок-21, так описывает эти ритуальные сосуды:

"Как правило, венчик основного сосуда украшен терракотовыми статуэтками птиц, людей и животных. Внутри сосуда на его стенках наклепные извивающиеся змеи часто находились между фигурками распластанных лягушек (sic. М. К.)"¹³.

Вот причина появления ящериц, змеев и лягушек в Уацамонге Хамыца- эти гады были наклеплены на внутренних стенках ритуального сосуда — Уацамонга.

¹² Сарияниди В. И., Где родился Зороастр?, Сб.: "Гипотезы. Прогнозы. (Будущее науки): Международный ежегодник, Выпуск 22, Москва: "Знание", 1989: с. 260-261.

¹³ Там же, с. 261.

Кстати, ритуальные сосуды, найденные при храме Тоголок-21, имели форму чаши, о чем свидетельствует фотографии¹⁴.

Наклонив чашу при питье браги, Хамиц увидел объемистые изображения змеев, лягушек и т. п. на внутренних стенках Уаца-монги.

Таким образом, нартровский эпос осетин сохранил информацию о форме ритуальных сосудов арийских зороастрийцев около трехтысячелетней давности.

Эффект же, произведенный на Хамица гадами, которые, клубясь, всплыли в чаше и устремлялись в рот Хамицу, легко объясняется составной браги — приготовленной из хаомы, обладающей галлюцинирующими свойствами.

Арийцы (индоиранцы) еще до распада общеиндоиранского языка на иранские и индийские языки употребляли в священных ритуалах напитков из хаомы:

"Ритуальные приношения воде, совершаемые в конце богослужения, готовили из молока, веток одного растения и из сока, полученного после того, как стебли другого растения будут истолчены. Растение, которое толкли, называлось по-древнеиндийски сома, а по-авестийски хаома, что буквально значит "то, что выжимают". Не ясно, какое растение первоначально употребляли протоиндоиранцы, но вполне возможно, что это могли быть разновидности эфедры (как хом — "эфедра", "хвойник", используемый зороастрийцами в настоящее время)"¹⁵.

Археологические открытия в храме Тоголок-21 дали однозначный ответ и на вопрос какое растение первоначально употребляли протоиндоиранцы для изготовления ритуального напитка сома/хаома:

В науке долгое время обсуждался вопрос, из какого конкретного растения изготавливался священный напиток. Предполагали, что это могли быть конопля, мандрагора, мак, особый вид

¹⁴ Там же.

¹⁵ Бойс М., Зороастрийцы. Верования и обычай, Санкт-Петербург: "Азбука-Классика"/"Петербургское Востоковедение", 2003, с. 22.

гриба-мухомора и т. д. Очевидно, индоиранские племена, обитавшие в разных регионах обширной территории, могли использовать разное сырье, но впервые с документальной точностью установлено, что в древней Маргиане употребляли эфедру. Правда, "эфедра шишконосная", и сегодня произрастающая в Каракумах, практически не содержит эфедрина. Зато другой вид - эфедра интермедиа — до сих пор выращивается (сейчас в медицинских целях) в предгорьях Копетдага и содержит высокий процент эфедрина. К сожалению, по ископаемым остаткам эфедры из Тоголок-21 нельзя определить ее вид, но можно не сомневаться, что это была именно эфедра интермедиа"¹⁶.

Об исключительном значении хаомы для арийцев говорит их вера в то, что после окончательной победы над злом "... Ахура-Мазда и шесть Амэша-Спэнта ("Бессмертные Святые — М. К.) торжественно совершат последнее духовное богослужение — Ясна и принесут последнее жертвоприношение (после которого смерти вообще больше не будет). Они приготовят мистический напиток — "белую хаому", который даст всем блаженным воскресшим, кто вкусит его, бессмертие"¹⁷.

Под галлюцинирующим воздействием ритуального напитка хаомы, пьющему из сосуда — появившиеся в процессе питья объемистые изображения змеев и лягушек на внутренних стенках сосуда — представлялись живыми — именно так было в случае Хамыца.

Можно лишь поражаться долговечностью исторической памяти осетинского народа, принесшего из своей арийской прародины на Кавказ и на протяжении тысячелетий сохранившего не одну уникальную информацию, в том числе и о форме ритуальных сосудов зороастрийцев.

¹⁶ Сарияниди В., указ. соч., с. 260.

¹⁷ Бойс М., указ. соч., с. 53.

ԶՐԱԴԱՇՏԻ ՀԵՏՔՆ ՕՍԵՐԻ ՆԱՐՏԱԿԱՆ ԷՊՈՍՈՒՄ

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում հեղինակն անդրադառնում է օսերի պատմական հիշողության հիմնախնդրին, որն արծարծվում է նրանց նարտական էպոսում, հին շրջանում Հյուսիսային Կովկասում քնակվող ցեղերի պատմագրության, ինչպես նաև հնագույն արիական դիցաբանական սինվոլիզմի վերլուծության մեջ: